

Власть логики и логики власти

И. Д. Невважай

Саратовская государственная юридическая академия

igornev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о связи логики и власти. Аристотелевская логика определяет те законы и правила мышления и речи, которые обеспечивают господство и силу истинного знания. Данная логика соответствует родо-видовой онтологии и учению о сущности. Единство многого в данной логике основано на подчинении части целому. Наряду с логикой господства силы имеет право на существование логика авторитета. Авторитет — это другой тип власти, отличный от власти силы. Поэтому логика авторитета должна принципиально отличаться от логики силы. Онтологической основой логики авторитета является коммуникация между индивидами с разными мнениями и притязаниями. Логика авторитета предполагает иное понимание единства и противоречия. Показывается, что в логике диалога единство противоположностей обеспечивается тем, что противоположные притязания взаимно обосновываются. DOI: 10.52119/LPHS.2024.83.59.005.

Ключевые слова: власть силы, власть авторитета, единство, часть, целое, взаимодополнительность, противоположности.

Сегодня мы имеем многообразие различных логик. Но там, где мы имеем дело с системами знания, например в области математики, естествознания или юриспруденции, классическая аристотелевская логика продолжает эффективно работать. По мнению философов постмодернизма — критиков классической философии, — начиная с античной Греции аристотелевская логика насилия, несвободы сопровождает развитие человечества. Эта логическая несвобода появилась в следствии утверждения идеала истины как обоснованного знания вместо признания доксы, мнения конкретного индивида. Тогда произошла смена способов принуждения человека к определенному поведению: от принуждения с помощью силы традиции к принуждению с помощью рациональных правил и правовых законов. Доверие к знанию с тех пор определяется не тем, кто является его собственником и транслятором, а обезличенной процедурой обоснования посредством логических доказательств или с помощью эмпирических фактов. На этом доверии до сих пор держится наука и парадигмальные установки культуры классического типа, которые подвергались критике начиная с XIX века и получили в XX веке в философии постмодернизма характеристику онто-тео-телео-фалло-фоно-лого-центризма [1].

Аристотелевская формальная логика соответствует родо-видовой онтологии, которая, по мнению Аристотеля, имеет место в объективном мире. В ее рамках единство мыслится как подчиненность многого чему-то одному, подчиненность частного общему (единому, субстанции, материи, разуму и т. п.). Законы и правила логики подчиняют себе человеческий разум, если он намеревается быть доказательным. Логика отношений насилия выражается в формальной логике в отношениях между такими понятиями, как тождество, подчинение, пересечение, несовместимость по объему. В этой логике частное является частью общего, целого и подчиняется ему. В родо-видовой онтологии каждая вещь состоит из «слоев» сущностей разного уровня. Более глубокий уровень сущности включает в себя сущности менее глубокого уровня. Более глубокий уровень сущности детерминирует содержание менее глубокого уровня. Когда, например, физики хотят построить более общую (фундаментальную) теорию материи, они считают, что существующие теории будут частным случаем общей теории, и, согласно принципу соответствия, частные теории логически выводимы из общей теории. Частные

теории используются учеными в силу простоты и удобства, но в принципе общая теория заменяет собой множество частных. Конечно, отношения старых и новой теорий в действительности сложнее описанных, но более общее подчиняет себе содержащееся в нем частное как логически, так и онтологически.

Классическая философия, получившая в постмодернизме определение философии тождества, есть реализация идеи власти как насилия, господства над чем-то и кем-то. Говоря о том, что логика связана с отношением власти, необходимо при этом различать два вида власти. Еще в античные времена было терминологически выражено различие между властью, понимаемой как «кратос», и властью, понимаемой как «архе» [2]. Власть, обозначаемая греческим термином «кратос», понимается как власть над кем-то, как подчинение чужой воли насилию. Этот вид власти не содержит в себе собственных целей, они всегда внешние и могут быть какими угодно: личная корысть, групповой интерес, безопасность государственной власти и т. д. Хотя, как известно, Ф. Ницше видел цель власти в ней самой. Но данное требование связано с понятием воли, которая должна воливать саму себя, и в этом цель власти человека над самим собой, но не над другим. В концепции кратос-власти целое господствует над частным, распространяет себя на всякое «свое» частное. В конечном счете господствует над многим не просто единое, но и единственное. На этом держится всякое учение, признающее в качестве абсолютного начала что-то одно: материю или сознание. На этом держится все религиозное сознание, для которого общее предшествует частному и господствует над ним. Справедливости ради надо заметить, что Господь властвует над своими чадами не с помощью лишь силы, но и с помощью любви. Любовь — замена внешнему грубому насилию, поскольку она заставляет божью тварь подчиняться Творцу без насилия. Здесь на первом месте сила любви, доверия, а не внешняя сила. Последняя необходима для осуществления наказания.

Итак, другой вид власти, обозначаемый греческим термином «архе», означает власть для чего-то, для достижения определенных целей. В отличие от власти силы, этот вид власти целесообразен по отношению к обеим сторонам властеотношения — господствующей и подчиняющейся — и основан на доверии компетентной власти и подчинении ее авторитету без насилия ради достижения значимых для обеих сторон целей. Здесь одно подчиняется другому благодаря авторитету властвующего, его компетентность и авторитет становятся условием, основанием существования подчиняющегося, который хочет овладеть умениями, навыками и знаниями авторитета. В такого рода коммуникации каждая сторона имеет свои интересы и цели. Эта ситуация принципиально отлична от властеотношений, в которых существует лишь один господствующий общезначимый интерес. Здесь вопрос об истине заменяется вопросом о взаимном признании интересов и мнений (доксы) разных сторон. Какова же логика отношений между, например, учителем и учеником, врачом и пациентом, отличная от логики отношений «господина» и «раба»? В кратос-логике лишь одна сторона является носителем истины, вторая сторона, если она сопротивляется и противостоит первой, обязательно будет неправа и подчинена «правому».

Логика доверительного общения опирается на то понимание власти, которое не уничтожает свободу. На необходимость новой логики в процессе диалога, обмена мнениями обращали внимание многие философы (М. Бубер, Э. Левинас, А. Ф. Лосев, Г.-Х. Гадамер). В начале XX века Мартин Бубер задался вопросом: когда процесс мышления начнет мириться с присутствием рядом живого человека, включать его в себя и принимать во внимание? Когда диалектика мышления превратится в диалоги [3, с. 116]? Эти вопросы по-прежнему актуальны и сегодня. Русский философ А. Ф. Лосев развивал концепцию диалектики как логики символа,

а символ коммуникативен в своей сущности. По мнению Г. Гадамера, диалектика Сократа и Платона есть логика разворачивания диалога [4]. Это необычная интерпретация диалектики, но на нее стоит обратить особое внимание. Если в логике насилия есть лишь подчинение одной стороны другой, когда одна сторона отношения подчиняет себе другую, то в логике общения имеет место обмен между сторонами, когда каждая из сторон оказывает другой «услугу», помощь. Так понимал коммуникацию или общение Аристотель, говоривший о том, что общество держится за счет взаимного обмена услугами. Учитель учит ученика, а ученик учится у учителя. Важно понять, как возможно единство сторон, которое не уничтожает их относительную автономию. Наряду с логикой насилия существует логика взаимодополнительности, когда обе стороны состоят в отношении взаимного оправдания, обоснования. Нильс Бор, разъясняя смысл введенного им принципа дополнительности, говорил, что отрицание глубокой истины может быть также глубокой истиной. В логике дополнительности работает иное понимание единства: взаимодополнительность различного, противоположного, где право на существование каждой из противоположностей оправдано существованием другой противоположности. Это показано, в частности, в моем исследовании контрверсы конструктивизма и реализма [5]. Результатом этого исследования был вывод о взаимодополнительности конструктивизма и реализма в эпистемологии, когда для оправдания конструктивизма необходимо признавать право реализма, и наоборот. Такова же ситуация с так называемыми неразрешимыми философскими проблемами, в частности проблемы идеализма и материализма. Так Декарт оправдывал врожденные идеи тем, что они имеют прямое отношение к внешнему материальному миру, поскольку Бог, который создал и материальный мир и разум человека, не обманщик. То есть действительность мышления оправдывается существованием внешнего материального мира. Идеализм нуждается в материализме, а материализм — в идеализме, поскольку существование материального мира является коррелятивным существованию сознания, сознающего материю.

Литература

1. Деррида Ж. *О грамматологии*. М.: Ad Marginem, 2000.
2. Фейде Ф. *Воображаемое. Власть*. Везен Ф. *Философия французская и философия немецкая*. Фейде Ф. *Воображаемое. Власть*. М.: УРСС, 2002.
3. Бубер М. *Диалог*. Бубер М. *Два образа веры*. М., 1998.
4. Гадамер Г. *Диалектическая этика Платона*. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
5. Невважай И. Д. Взаимодополнительность конструктивизма и реализма в эпистемологии. *Эпистемология и философия науки*, 2015, № 1, с. 83–97.